

К.А. Ванескегян (Ереван, Армения)

Память вещи и симуляционная темпоральность в романе «Собиратель рая» Евгения Чижова

Аннотация: Статья посвящена анализу категории хронотопа в постмодернистском романе Евгения Чижова «Собиратель рая». В статье по-новому интерпретировано понятие темпоральности и предложена его модификация – «симуляционная темпоральность». Также проведен подробный анализ понятия «историческая инверсия», представлена трансформация темпоральности, в которой время в романе рассыпается, лишаясь атрибутов настоящего и будущего, сгущаясь в прошлом и переходя в пространство необратимого мифа. Рассмотрены хронотопы главных героев, проведен сопоставительный анализ большой и малой, личной и мировой истории, выделены нарративные границы время-пространства главных героев романа – Кирилла и Марины Львовны. Важной частью исследования является переосмысление таких категорий, как «вещизм», «память вещи». «Вещь» представлена как сингуляторная точка, структурирующая время и воспроизводящее прошлое; концепт «вещи» – как единение и сгущение пространства и времени в конкретной сингуляторной точке.

Ключевые слова: Евгений Чижов, «Собиратель рая», Бахтин, хронотоп, историческая инверсия, постмодернизм, симуляция, время, пространство, вещизм

К.А. Vaneskeghyan (Yerevan, Armenia)

Memory of the Thing and Simulative Temporality in Evgeniy Chizhov Novel “The Paradise Gatherer”

Abstract: The paper examines the category of chronotope in the postmodern novel “The Paradise Gatherer” by Evgeniy Chizhov. The category of temporality is interpreted in a new light and presented as simulative. A detailed analysis of the concept “historical inversion” is completed; the transformation of temporality is presented in which time in the novel scatters, losing its attributes of present and future, thickening into the past and passing into the space of irreversible myth. Also, the paper addresses the chronotopes of main characters, conducts comparative analysis of large and small, personal and world narratives, and highlights the borders of the narrative space and time of main characters Kirill and Marina Lvovna. An essential part of the research is the reinterpretation of such categories as “thingism” and “the memory of the thing”. “A thing” is presented as

a singulative point which structurizes time and reproduces the past. The concept “thing” is shown as a notion of the unity of space and time thickening into one specific, singulative point.

Key words: Evgeniy Chizhov, “The paradise gatherer”, Bakhtin, chronotope, historical inversion, postmodernism, simulation, time, space, thingism

Евгений Чижов – современный русский прозаик, лауреат многих литературных премий, автор, имеющий своеобразное отношение к категории времени и пространства. Литературным дебютом Евгения Чижова стала повесть «Бесконечный праздник», опубликованная в журнале «Соло» в 1997 г. Позднее, уже в 2000 г., в журнале «Октябрь» был опубликован первый роман Евгения Чижова – «Темное прошлое человека будущего». Вторым романом Чижова, вышедшим в 2008 г., стал роман «Персонаж без роли», однако литературное признание пришло к автору спустя несколько лет с романом «Перевод с подстрочника», написанным в 2013 г. и ставшим финалистом премий «Ясная Поляна» и «Большая книга», а также удостоившимся премии «Венец» Союза Писателей Москвы. В настоящей статье представлено исследование нового романа Евгения Чижова «Собиратель рая», опубликованного в 2019 г. и удостоившегося премии «Ясная Поляна», а также вошедшего в шорт-листы премий «НОС-2019» и «Большая книга-2020».

Учитывая тот факт, что начало литературной одиссеи Чижова связано с условными границами начала русского постмодернизма (первый роман – «Темное прошлое человека будущего», 1997), а также хронотопические особенности текстов Чижова, для понимания особенностей хронотопа русского постмодерна важно исследовать не только отдельные тексты автора, но и его «личное» видение время-пространства русской литературы переднего края. Интересно, что среди литературных критиков бытует шутка: Чижов до такой степени остается в рамках бахтинской концепции о хронотопе при написании своих текстов, что в его романах можно отыскать едва ли не все положения этой концепции, изучаемые студентом-филологом. Однако роман, о котором мы будем говорить сегодня, является скорее отходом от «бахтинского канона». Именно переосмысление традиционной хронотопической канвы является интересным литературным феноменом, который предлагает Евгений Чижов в романе «Собиратель рая». Отметим также, что, говоря о категории времени в романе «Собиратель рая», мы используем термин «симуляционная темпоральность», наиболее точно описывающий попытку автора воспроизвести соответствующее современности темпоральное наполнение. Важной частью исследования является рассмотрение концепта «вещизма» в русском постмодернизме, а также роли вещи в хронотопическом наполнении романа. Интересно, что автор, тонко чувствуя новейшие литературные тенденции, создает особенный, новый «мир вещи и памяти», рифмующийся с «миром вещи и памяти» других современных авторов, таких как Марина Степанова (роман «Памяти памяти») и Евгений Водолазкин (рассказ «Кунсткамера в лицах»).

Роман «Собиратель рая», изданный в 2019 г., сразу же привлек внимание литературных критиков и читателей. Как уже было отмечено выше, именно этот роман стал лауреатом премии «Ясная Поляна» в номинации «Современная русская проза». И это неслучайно, потому что роман «Собиратель рая» в первую очередь об особенном типе ностальгии, присущей так называемым «последним советским поколениям». По мнению литературного критика Анны Наринской, это роман о

людях, чья молодость пришлась на девяностые, разошедшихся со своим временем и заблудившихся в чужом. Не случайно в начале статьи был отмечен тот факт, что сам Чижов начал свою литературную деятельность в 1990-е, во времена, которые современные литературоведы называют «послебудущее»¹. Используя этот термин, мы отсылаем к тому времени, когда распался Советский Союз и на смену «светлому социалистическому будущему» пришло «капиталистическое начало», заставляющее ностальгировать по советскому прошлому и идеализировать его. Удивительно, что, отталкиваясь от бахтинской «исторической инверсии» и от «мифа о золотом веке»², мы заново переживаем воспроизведение утопического в сознании человека, в прозе, да и в литературе в целом. И главный герой романа – Кирилл по прозвищу Король – яркий пример нового литературного персонажа: «человека без времени», который впервые появился в прозе Чижова в 1997 г. (роман «Темное прошлое человека будущего») и «вернулся» в его прозу в 2019 г.

Кирилл, он же Король, – магистр коллекционирования, адепт барахолки, способный раздобыть самый диковинный артефакт из прошлого. Кирилл – настоящий герой новейшей русской литературы: уставший, скучающий, очаровательный и – немного аферист, эдакий Остап Бендер нашего времени, страдающий той самой «сомнамбулической» болезнью современности; читая роман, не испытываешь к нему ни симпатии, ни отвращения. Складывается впечатление, что все герои романа Чижова лишь копии копий, отголоски того, что было, того, чего не стало. Почти как потерявшиеся во времени «коллекционеры всего» Вагинова, герои Чижова возводят в утопический топос пространство барахолки (именно здесь происходят основные события, именно сюда все «стекается»), пытаются по крупницам собрать прошлое. Интересно, что Кирилл, он же Король, – мастер перевоплощений. Находя «вещи из прошлого», он способен раздобыть настолько достоверный реквизит, что любое событие приближается к исторической реконструкции. Получается, что вещи в представлении Кирилла – настоящие гири, сохраняющие и возвращающие время, создающие почти музейную симуляцию³ прошлого.

Кирилл абсолютно потерян в собственных коллекциях. Он и сам стал эдаким артефактом, знаком-иконом, о чем ходят легенды среди его «королевского» окружения, которое Чижов так и именуется – свита. Внутри «свиты» возникают любовные линии, интриги различных масштабов, однако личная трагедия Короля связана не с романтическими переживаниями а, скорее, со временем и памятью. У матери Кирилла болезнь Альцгеймера: «Время текло для нее иначе, по-своему, и три часа, проведенные глядя на снег, могли быть короче десяти минут»⁴.

Король потерян в собственных коллекциях. Он и сам экспонат одной из этих коллекций. За постоянной симуляцией и бесконечными карнавальными «переодеваниями» сложно уловить суть героя. Однако именно эта раздробленность, именно это симуляционное отношение к реальности, пространству и времени — первая ветка взаимоотношений с концепцией времени в тексте. Вторая сюжетная ветка, не менее интересная, связана с образом матери Кирилла – Марины Львовны, потерявшей ощущение времени и пространства, ставшей еще одним «героем без времени»⁵. Интересно рассмотреть эту «временную воронку»: Кирилл теряет

¹ Эпштейн М. Постмодернизм в России. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019. С. 79.

² Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 121.

³ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол классик, 2017. С. 40.

⁴ Чижов Е. Собиратель рая. М.: АСТ, 2019. С. 13.

⁵ Эпштейн М. Постмодернизм в России. С. 230.

связь с настоящим временем целенаправленно, мать – из-за болезни. И потеря временного хронотопического атрибута приводит к полной потере хронотопической осознанности – потерянности и в пространстве. На примере Кирилла мы видим постоянное сомнамбулическое блуждание¹, ощущение себя вне себя, постоянный поиск; на примере его матери – удивительное, почти фольклорное блуждание по заснеженной Москве девяностых. Марина Львовна ощущает себя двадцатилетней, ищет Художественный проезд, но дело в том, что ей уже далеко не двадцать, а проезд давно переименован в Камергерский: «Ее время остановилось, застряло на месте, застыло в монолит, из которого ей было уже не выбраться»². Налицо полная деконструкция единого пространства и времени. Причем с учетом того, что Чижов переосмысляет бахтинскую «историческую инверсию», мы видим как полное разрушение канона, так и следование ему: на разных отрезках, в поисках уже не существующего топоса, герои блуждают в макрокосме романа традиционными фольклорными тропами.

Третья сюжетная ветка, раскрывающая всю суть отношений героев со временем (или их отсутствие), – это общая обстановка небытия, вставленная в эпоху девяностых, где люди и идеи, наравне с предметами и вещами, повисли в безвременном вакууме, ожидая своего места хоть в какой-то, но коллекции. Нарративы большой и малой, мировой и личной истории становятся неотделимы: они развиваются параллельно, раскрывая идею об измененном, ином типе хронотопа.

Историческая инверсия Бахтина как идея об интенсификации прошлого и идеализации золотого века в пространстве русского постмодерна переходит в концепт утопичности советского время-пространства. 90-е – это точка бифуркации, опасная и необъяснимая. Тотальная неопределенность сочится из всего текста, прошлое становится идеализированным (хоть и закончилось только вчера), настоящее представлено как сомнамбулическое плескание в неопределенности действительности, а будущее – нереально. Действительно, это было навсегда, пока не закончилось. Демаркационная временная линия показывает постапокалиптическое состояние героев, вмиг потерявших все и мечтающих вернуться обратно. Чижов показывает это, сопоставляя два хронотопа – Кирилла и его матери. Он раскрывает концепт потери памяти как хронотопическое блуждание в рассыпающемся времени. Зачем нужна память, фиксирующая события во временной и пространственной последовательности, если нет ни времени, ни пространства? Исходя именно из этих наблюдений мы использовали термин «симуляционная темпоральность»³ в самом начале исследования.

Интересно, что, несмотря на явную симуляционность, Чижову удается использовать время (или отсутствие времени) не только как тематический стержень, но и как композиционный и стилистический инструмент: фактически весь роман – от идеи до формы – строится с помощью дат, воспоминаний и секундных стрелок. Время, даже деконструированное, берет на себя функцию всего хронотопа, создавая каркас повествования. В качестве эдакого литературного таймера Чижов выбирает девяностые, с еще небольшой, но все-таки инверсией они ностальгически опрокинуты в советскую эпоху. И не удивительно, что на позицию главного героя автор ставит коллекционера, интересующегося разномастным двадцатым веком. Сам образ коллекционера, собирателя рая уже попытка показать нам, что

¹ Эпштейн М. Постмодернизм в России. С. 230.

² Чижов Е. Собиратель рая. С. 20.

³ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 33.

пространство XX в. (до 90-х) – это аномальное поле ностальгии. А вещи, которые порой более ощутимы и осязаемы, нежели герои, становятся акторами повествования. Именно они рассказывают о героях, о пространстве, о времени больше, чем мелкие личные интриги героев. Вещи становятся своего рода гириями, фактически держащими актуальность времени, возрождающими прошлое и переносящими его в настоящее. Симуляционная временная инверсия почти музейной реконструкции прошлого возможна лишь благодаря наличию вещей, напоминающих о прошлом. Эта тенденция все чаще и чаще просматривается в новейшей русской литературе (см. рассказ Е. Водолакина «Кунсткамера в лицах» и роман М. Степановой «Памяти памяти»). Именно пространством повествования становится блошинный рынок – подлинная цитадель прошлого, пропитанная застоєм, безумием и тягучим предчувствием смерти. Это почти музейная канва, в которой мертвый предмет хранит в себе больше витального, нежели живые люди. Пространство рынка – пространство смерти времени, героев, вещи. Вещь – энергетический центр, концентрирующий в себе сразу два временных атрибута: прошлое (оно является кодом вещи) и настоящее (оно является атрибутом вещи в себе). Однако суть вещи как энергетического центра не актуализируется с точки зрения будущего. Вещь была и есть, а будущего у нее, как и у героев из 90-х, нет. Есть лишь бессмысленные попытки выживания в настоящем, постоянное тяготение к прошлому.

И тем не менее именно время организует идеи и фиктивное пространство текста, именно время выступает единственным связующим звеном всех сюжетных линий. Оно, раздробленное, разномастное, ловко меняет маски: от конкретного, пропитанного старческими болезнями и постсоветской потерянностью, до абстрактного, будто единственного, о чем говорят персонажи. Переходя в постмодерный вакуум, 90-е, по Бахтину, разрушают классическое понимание о времени, превращаясь в симуляционность и деконструкцию темпоральности. Прошлое – это пространство уходящей памяти Марины, такой же уходящей, как и вся эпоха. Настоящее – это 90-е, эсхатологическое, рассыпающееся и бессмысленное: слом века, конец второсортной эпохи, а будущее – пространство смерти, к которому герои идут на протяжении всего текста.

Рассмотрев симуляционную темпоральность, еще раз обратимся к памяти и пространству вещи, если хотите, к переосмыслению классического литературного концепта вещизма¹. Король, как коллекционер и собиратель рая, всю свою жизнь пытается приблизиться к утопии, вернуть, засахарить и остановить время. Он коллекционирует все, с равной страстью собирает довоенные сувениры и пластинки шестидесятых, старые кители, советские значки и фарфоровые чашки, которые кажутся убежищем в войне с настоящим: «Вся их ценность заключается в накопленном ими времени и в аромате эпохи. Кирилл любил утилитарные вещи, утратившие свое назначение и смысл, и приносил домой вороха навеки вышедшей из моды одежды, монеты исчезнувших государств, марки давно не существующих стран»². Как нам представляется, концепт «вещи» в русском постмодерне – это концепт о единении и сгущении пространства и времени в конкретной сингуляторной точке. Предметы переживут своих хозяев (людей и даже государ-

¹ *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Культура, 1995. С. 73.

² *Чижов Е.* Собиратель рая. С. 15.

ства) – идея, часто встречающаяся в ряде самых значимых текстах последних лет, о которых мы уже говорили ранее.

Предмет-символ и память вещи, по Бодрийяру¹, – это попытка возродить тоску по ретро, провести очередную инверсию и уйти в прошлое. Король, который всю свою жизнь потратил на «собираение рая», по крупицам и частичкам пытающийся возродить неоднородный двадцатый век, становится почти шаманом, коллекционирующим и хранящим время. Основной модус вещи, говоря словами Хайдеггера², в ее веществовании. Вещь веществует. Но «веществовать» – значит оповещать о вещи, т. е. преодолевать ее вещность, превращаясь в знак вещи и становясь элементом уже совсем иного пространства, – не материально-вещественного, но идеально-духовного. Таким образом, вещизм Короля – это не классическое собирательство, знакомое нам из русской литературы, а почти духовная практика, в когда каждый предмет, найденный на барахолке, – часть распадающейся истории, лоскутного полотна. В топоровском³ осмыслении вещь всегда обладает модусом нужности, бытовой практичностью, но данная функция, рассыпающаяся на тысячи экспонатов Короля, трансформируется в функцию сохранения времени, возвышающуюся над практически-бытовым уровнем.

Вещизм Короля – «бога мелочей» – опровергает мысль о том, что «человек есть мера всех вещей». Конкретная, данная вещь, входящая в его коллекцию, – мера всех людей, и только в этом своем качестве вещь приближает мир или рай, правда, при участии человека. То есть экспонаты Короля – это отголоски уходящего рая, а сам он медиативный персонаж, пытающийся это время удержать. И если «вещи таковы, какими их видит Бог», то в вещи, как в зеркале, отражается замысел Бога относительно этой вещи.

Из этого аспекта «бого-вещного» подобия вытекает для человека, имеющего дело с вещами, очень важное следствие: вещь в силу описанного подобия ведет человека к Богу, и человек, пользуясь вещами по своим «низким», собственно человеческим нуждам, должен помнить, что через них он вступает в общение с Богом и Бог через них говорит с человеком. Вещь в ее эмпирически-чувственном восприятии как бы держится напряжением. Причем со временем эта напряженность всё более возрастает: «Вся их ценность заключалась в накопленном ими времени и в аромате эпохи; или обыкновенные вещи, пережив свое время, становились необыкновенными»⁴.

Причем это напряжение генерируется из двух полей вещи: внутреннего и внешнего, граница между которыми выступает как зримо воспринимаемая поверхность вещи, обращенная, подобно Янусу, в две противоположные стороны. Вещь обретает дар говорить не только о себе, но и о том, что выше ее и что больше связано с человеческим, нежели с вещным; в данном случае вещь говорит о времени. Более того, вещь хранит в себе и тайну Божию, свидетельствуя тем самым и о Боге, приближая Кирилла к Раю, к симуляционному раю прошлого, которого уже нет: «Здесь у меня в рассыпанном, разобранным на мелкие части виде вся страна, откуда мы родом и которую ты уже не застал. Никто уже теперь не поймет, какой она была, – этого не рассказать. Остались вещи, по ним можно кое-что почувствовать, но ушел ее воздух, а он был главным, он был неповторимым. Ты только вслушайся в эти названия: Уренгой-Сургут-Тюмень, Трест, Ма-

¹ Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. С. 159.

² Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. С. 66.

³ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. С. 76.

⁴ Чижов Е. Собиратель рая. М.: АСТ, 2019. С. 17.

гадангорстрой, студенческий отряд “Ударник”. Это же музыка! Вся страна что-то строила под музыку в новостях и кинохронике. Что она строила? Коммунизм. А что это такое? Неизвестно. Никто этого не знал»¹.

Вещь – это попытка сохранить и воспроизвести прошлое, барахолка – пространство безвременья, где Древняя Русь, Золотой и Серебряный век, разношерстный XX век находятся в едином безвременье, хронотопы Кирилла и Марины Львовны – постмодернистски переосмысленные вариации нового типа хронотопа, в котором темпоральность выступает бинарно: и как симуляционная, и как организующая текст.

Подводя итоги, отметим, что в статье рассмотрена симуляционная темпоральность в романе Евгения Чижова «Собиратель рая» и выделен тип хронотопа, организующий данный текст. В ходе исследования был сделан вывод о том, что Чижов переосмысляет бахтинские подтипы хронотопа на новый, постмодернистский лад, однако оставляет неизменными основные его функции. Время в романе как бы рассыпается, лишаясь атрибутов настоящего и будущего, сгущается в прошлом и переходит в пространство симуляционного, необратимого мифа. При рассмотрении макрокосма и микрокосма хронотопов действующих лиц показана трансформация бахтинской исторической инверсии и ее постмодернистское переосмысление, рассмотрен концепт вещизма и понятие «память вещи». Основной вывод, к которому мы пришли в ходе данного исследования, связан с реорганизацией категории хронотопа, темпоральности в постмодернистском тексте, а также с изменением категории хронотопа как таковой. Важной частью исследования является также переосмысление концепта вещи и вещизма в новейшей русской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

Аккер Р. ван ден. Метамоде́рнизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма. М.: Рипол, 2019. 494 с.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 537 с.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: РИПОЛ классик, 2017. 316 с.

Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М.: РИПОЛ классик, 2017. 273 с.

Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: Питер, 2018. 456 с.

Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетейя, 1998. 159 с.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Культура, 1995. 623 с.

Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. 447 с.

Чижов Е. Собиратель рая. М.: АСТ, 2019. 318 с.

Эпштейн М. Постмодернизм в России. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019. 608 с.

REFERENCES

Akker R. (2019) *Metamodernism: Historicity, Affect and Depth after Postmodernism*. Moscow. Pangloss Publ. 494 p.

Bakhtin M.M. (1986) *Literary Criticism Articles*. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 537 p.

¹ Чижов Е. Собиратель рая. С. 20.

- Baudrillard J. (2017) Fatal Theories. Moscow. RIPOL klassik Publ. 273 p.
- Baudrillard J. (2017) Simulacra and Simulation. Moscow. RIPOL klassik Publ. 316 p.
- Campbell J.J. (2018) The Hero with a Thousand Faces. Moscow. Piter Publ. 456 p.
- Chizhov E. (2019) The Paradise Gatherer. Moscow. AST Publ. 318 p.
- Epstein M. (2019) Postmodernism in Russia. St. Petersburg. Azbuka-Attikus Publ. 608 p.
- Heidegger M. (2015) Being and Time. Moscow. Akademichesky Proekt Publ. 447 p.
- Liotard J.F. (1998) The Postmodern Condition. Moscow. Aleteja Publ. 159 p.
- Toporov V.N. (1995) Myth. Ritual. Symbol: Mythopoetic Researches. Moscow. Kultura Publ. 623 p.

Сведения об авторе:

Кима Армановна Ванескегян,
аспирант, мл. преподаватель
Российско-Армянский (Славянский)
университет

Kima A. Vaneskehyan,
Graduate Student, Lecturer
Russian-Armenian (Slavonic) University

kimavaneskehyan@gmail.com